

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ
ЗАМЕТКИ О ДИОНИСИИ

История сохранила немало имен русских средневековых живописцев. Но связанные с ними уцелевшие до наших дней памятники искусства исчисляются единицами. Обычай ставить на произведении свое имя не был распространен в Древней Руси, и до XVI в. подписные работы встречаются редко. Так, до сих пор не найдено ни одной подписной иконы Андрея Рублева, и лишь благодаря остроумным догадкам и кропотливой работе исследователей удалось установить принадлежность ему ряда станковых произведений.

За последние годы все с большей отчетливостью выступает личность другого великого живописца Древней Руси — Дионисия, работавшего во второй половине XV—начале XVI в. Современники называли его «мудрецом», самым известным («пресловущий паче всех»), искусным, изощренным («хитрым») мастером, работам которого дивились «самодержцы» русской земли, первым живописцем своего времени¹.

Еще сравнительно недавно было известно лишь одно достоверное станковое произведение Дионисия — икона «Богоматерь Одигитрия» из Вознесенского монастыря в Московском Кремле², созданная по памяти копия сгоревшей в 1482 г. иконы, и судить по ней о манере художника почти не представлялось возможности. Значительно больше для оценки стиля Дионисия давали раскрытые в 1916 г. две большие иконы из Успенского собора Кремля, изображающие митрополитов Петра (в Успенском соборе Кремля) и Алексея (ныне в ГТГ)³, чья деятельность сыграла важную роль в сложении Русского централизованного государства. Прямоугольные «клейма» дополняли центральные изображения святителей, фиксируя важнейшие — с точки зрения заказчика и художника — этапы жизни и деятельности митрополитов. Смелая композиция, отточен-

¹ В адресованном Дионисию «Послании иконописцу» известный церковный деятель конца XV—начала XVI в. Иосиф Волоцкий называет живописца «началохудожником», что переводится как главный, первый мастер (ср. «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Имп. Академии наук», т. II. СПб., 1847, стр. 420). См. *Н. К. Голейзовский. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV—XVI вв.* — ВВ, XXVI, 1965, стр. 224.

² *В. И. Антонова и Н. Е. Мнёва. Каталог древнерусской живописи Гос. Третьяковской галереи (далее: Каталог ГТГ), т. I. М., 1963, стр. 330—331, № 274, табл. 214.*

³ *В. Борин. Две иконы новгородской школы XV века св. Петра и Алексея митрополитов московских.* — «Светильник», 1914, № 4, стр. 23—32; «Художественные памятники Московского Кремля». М., 1956, стр. 40—41, илл. 55—57; Каталог ГТГ, т. I, стр. 336—341, № 279, табл. 224, 225; *И. Е. Данилова. Житийные иконы митрополитов Петра и Алексея из Успенского собора в Кремле в связи с русской агиографией.* — ТОДРЛ, т. XXIII, 1968, стр. 199—216. Первым связал иконы митро-

ное графическое мастерство, специфическая красочная гамма с преобладанием светлых оттенков, особенности архитектурных деталей, манера письма горок, лиц и одежд — все это сближало иконы Успенского собора с прославленными росписями Ферапонтова монастыря и позволяло приписать их кисти Дионисия.

Отдаленный Ферапонтов монастырь привлек внимание историков еще в середине прошлого века как один из важнейших севернорусских центров образованности XV—XVI вв. Один за другим в поисках древностей монастырь посещали исследователи и путешественники, но главное сокровище — фрески церкви Рождества Богоматери — не привлекло их внимания⁴. На софите северной двери храма оставалась незамеченной древняя надпись: «В ле[т]о 7 . . .⁵ месяца августа в 6 день на преображение господа нашего Иисуса Христа начата бысть подписывати церков, а кончена на 2 лето месяца сентявреа в 8 на рожество пресвятыа владычица нашыа Богородица Мариа при благоверном великом князе Иване Василиевиче всеа Руси и при великом князе Василие Ивановиче всеа Руси и при арх[иепископе Ти]хоне, а писци Деонисие иконник со своими ча[ды]. О владыко Христе, всех царю, избави их господи мук вечных».

Первым, кто обратил внимание на эту надпись и связал имя упоминающегося в ней художника с Дионисием, известным по летописям, был И. И. Бриллиантов⁶. В 1905 г. архитектор К. К. Романов на основании исторических сведений о лицах, упомянутых в надписи, предложил датировку фресок: 6 августа 1500 г. — 8 сентября 1502 г.⁷ До последнего времени эта датировка не вызывала возражений. Однако в рассуждения К. К. Романова вкрались ошибки. Если вспомнить, что новый год начинался 1 сентября, то 8 сентября надписи придется не на 1502, а на 1503 г. Далее, выражение «на 2 лето» означает, что роспись была закончена не через два года, а на следующий год после начала работ; если принять дату окончания 1503 г., то дата начала работ будет 1502 г. Можно также отметить, что опала на Василия была снята не в 1502 г., а еще в сентябре 1500 г.

Храм Рождества был освящен 8 сентября 1490 г.⁸ Художник Н. В. Гусев, обследовавший ферапонтовскую надпись по просьбе автора

политов с именем Дионисия А. Грищенко в книге «Русская икона как искусство живописи». См. А. Грищенко. Вопросы живописи, вып. 3. М., 1917, стр. 122 и сл.

⁴ С. П. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II. М., 1850, стр. 102—105; Макарий. Описание Ферапонтовской волости. СПб., 1854; А. Н. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855, стр. 380—393; М. В. Толстой. Путевые письма с Севера. М., 1868, стр. 54—62; Н. П. Успенский. Ферапонтов Белозерский Рождества Пречистые Богородицы монастырь. — «Новгородские епархиальные ведомости», 1898, № 11, стр. 658—674. Следует отметить, что Н. П. Успенский наиболее точно определил дату постройки церкви Рождества Богоматери — конец XV в. (указ. соч., стр. 673).

⁵ Отчетливо читается только 1-ая цифра, означающая 7000 лет от сотворения мира. Это значит, что роспись не могла быть начата ранее 1492 (или 7000) года.

⁶ И. И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899, стр. 68, прим. 2. Первая и единственная монография о ферапонтовских росписях: В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.

⁷ П. П. Покрышкин и К. К. Романов. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. — «Известия Имп. Археологической комиссии», вып. 28. СПб., 1908, стр. 128—130. К. К. Романов считал, что Василий Ивановича могли называть великим князем лишь в 1502 г. (с декабря 1498 г. Василий был в опале, и великим князем считался внук Ивана III — Дмитрий. В апреле 1502 г. Иван III посадил Дмитрия под стражу и запретил называть его великим князем). Упомянутый в надписи Тихон был архиепископом ростовским с 1489 г., оставил архиепископию в январе 1503 г. Новый год начинался 1 сентября. Между апрелем 1502 и январем 1503 г. 8 сентября было только однажды: это 8 сентября 1502 г. — дата окончания росписи. Поскольку роспись окончена «на 2 лето», следовательно, она начата 6 августа 1500 г.

⁸ К. К. Романов. Антиминсы XV—XVII вв. собора Рождества пр. Богородицы в Ферапонтово-Белозерском монастыре. — «Известия Комитета древнерусской живописи», вып. I. Пг., 1921, стр. 33.

этой статьи летом 1968 г., пришел к выводу, что дату следует читать как 7010. Таким образом, роспись датируется 6 августа 1502 — 8 сентября 1503 года.

Фрески были созданы в два приема: зимой стенописные работы не производились, и художники писали иконы⁹. В малоосвещенных частях храма встречаются незакрашенные участки стены и целые группы фигур, перекрытые одним тоном¹⁰. Мастера торопились окончить работу к храмовому празднику 8 сентября; однако большинство «недоделок», указанных исследователями, носит умышленный характер и не может быть объяснено только спешкой.

Виртуозный ансамбль ферапонтовских фресок интересен для историка своей связью с борьбой церкви против ереси жидовствующих, широко распространившейся в Северо-Западной и Центральной Руси в последней четверти XV в. В росписи, посвященной прославлению Богоматери, Христа, святителей и чудотворцев, на которых еретики «хулные речи износили», Дионисий намеренно акцентировал темы, подвергшиеся нападкам еретиков, ввел новые для русской живописи исторические сюжеты, связанные с борьбой против ересей («Вселенские соборы» и др.)¹¹.

Еретики не только отрицали догматы и таинства православной церкви. Они обличали стяжательство церковников, выступали против монастырского землевладения. Последнее отвечало интересам Ивана III, замышлявшего секуляризацию земель духовенства. Развернутая аргументация еретиков оправдывала замыслы великого князя, и он стал покровительствовать ереси. Возможно, это явилось одной из причин отказа от кафедры и удаления (в 1489 г.) в Ферапонтов монастырь вероятного заказчика росписей — бывшего ростовского архиепископа Иоасафа. Здесь находился в эти годы и другой противник великого князя, опальный митрополит, ученый богослов Спиридон-Савва, еще в 1488 г. в послании Дмитрию Шеину намекавший на связь Ивана III с еретиками.

Можно ли объяснить приглашение Дионисия в Ферапонтов монастырь только известностью мастера, а согласие старого живописца на столь дальнее путешествие — только материальной заинтересованностью? Как мы увидим, незадолго до этого Дионисий работал у Иосифа Волоцкого, одного из главных обличителей ереси, уже в «Послании иконописцу» осмелившегося осудить великого князя за покровительство еретикам¹², среди которых были сподвижники и любимцы Ивана III, вроде Федора Куряпина.

Быть может, не случайно летописцы, трудившиеся при дворе Ивана III, избегают называть художника, даже упоминая его работу; мы увидим далее, что имя Дионисия впервые встречается в источниках, оппозицион-

⁹ Иконы Ферапонтова монастыря еще не все раскрыты от записей (см. Каталог ГТГ, т. I, стр. 334—336, № 278 и табл. 216—223). Многие из них, например «Богоматерь» из деисуса, некоторые иконы пророческого и местного рядов, очень близки манере Дионисия. В Русском музее в настоящее время находится семь икон ферапонтовского иконостаса: из деисусного чина — архангел Гавриил, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Георгий и Симеон Столпник; из местного ряда — Богоматерь Одигитрия и «Сшествие во ад» (см. ниже, прим. 44). В реставрационной мастерской Русского музея были расчищены и отправлены в музей Кириллова две иконы: средник пророческого ряда — Богоматерь Знамение, Давид и Соломон, и икона из деисуса — Василий Великий. Несколько икон пророков и праотцев, а также икона Николы (из деисуса) находятся в Центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. акад. И. Э. Грабаря в Москве.

¹⁰ См. *И. Е. Данилова*. Дионисий и его творчество. — Фонд диссертаций Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ). М., 1951, стр. 42. Ср. *С. С. Чураков*. Портреты во фресках Ферапонтова монастыря. — «Советская археология», 1959, № 3, стр. 111.

¹¹ Подробнее об этом см. *Н. К. Голейзовский*. Указ. соч., стр. 235—236.

¹² *Я. С. Лурье*. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 239—241.

ных великому князю. Рассмотрим эти и другие свидетельства, придерживаясь по возможности хронологической последовательности.

Первое по времени известие о работе Дионисия содержится в придворном летописном своде, составленном в Москве около 1479 г. Известие это входит в рассказ о смерти игумена Пафнутия Боровского (1477 г.) и вместе с этим рассказом почти без изменений повторено позднейшими летописными сводами. Сообщив о смерти и погребении Пафнутия, летописец среди важнейших событий жизни игумена отмечает постройку им церкви Рождества Богоматери. «Преже древяну, по том же камену устрои, — говорит летописец, — и подписа ея чудно велми, и украси ея иконами, и книгами, и всякою утварию церковною, яко дивитися и самом тем самодержцем Русскыа земля . . .»¹³.

Характерно, что, отметив высокое качество росписи, придворный летописец не упомянул имен ее авторов — Митрофана¹⁴ и Дионисия. Под «самодержцами» (властителями) Русской земли подразумевался не великий князь Иван III, а самодержцы вообще — не только тогдашние, но и будущие.

Об авторстве Дионисия мы узнаем из жития Пафнутия Боровского, написанного в начале XVI в. ростовским архиепископом (с 1506 по 1516 г.), братом Иосифа Волоцкого — Вассианом Саниным. Постриженник Пафнутиева монастыря, Вассиан рассказывает, как после закладки церкви старый игумен вместе с учениками «во время зимы камение влачаше . . . и воду, и ина все на плещу (плече. — *Н. Г.*) ношаше»; постоянная церковь «совершенное украшение приемлет еже от живописцев Митрофана инока, и Дионисия и их пособников пресловущих тогда паче всех в таком деле»¹⁵. К сожалению, Вассиан не сообщает дату росписи собора. Эта дата определяется приблизительно временем между 1467 и 1476 гг.¹⁶

¹³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 310; Симеоновская летопись (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 254); свод 1497 г. (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 141); Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, стр. 256); свод 1518 г. (ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 311); Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 184); Иоасафовская летопись (М., 1957, стр. 96); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 170).

¹⁴ Митрофан, инок московского Симонова монастыря, был старше Дионисия; расцвет его художественной деятельности относится, по-видимому, ко второй трети XV в. Некоторые исследователи считают Митрофана учителем Дионисия, но это пока не доказано. См. *Б. Н. Флоря*. Московский иконописец середины XV в. Митрофан по данным письменных источников. — «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 278—280; *В. И. Антонова*. У Медвежья озера и Веси Егонской. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 188—194.

¹⁵ *А. П. Кадлубовский*. Житие Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. — «Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине», т. II. Нежин, 1899, стр. 125. В некоторых списках жития Пафнутия имени Митрофана и Дионисия не упоминаются [например, сборник XVII в. — ГБЛ, ф. 37, № 422, л. 554—554 об.: «Созда же (Пафнутий. — *Н. Г.*) во обители церковь камену, и подписана бысть мудрыми живописцы, от них же единого молитвами своими от болезни премени. . .»]. В одном из печатных изданий жития Пафнутия («Книга житий святых». М., 1764, т. III, л. 308) упомянут лишь «во иконописцах изрядный художник именем Дионисий мирянин». Сведения о росписи церкви Пафнутиева монастыря содержатся еще в двух так называемых кратких редакциях жития Пафнутия Боровского.

¹⁶ Первую дату дает указание об освящении собора в 1467 г. Приводя этот год, историки искусства обычно ссылаются на книгу М. Т. Преображенского «Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии» (СПб., 1891, стр. 44). М. Т. Преображенский взял эту дату из «Памятной книжки Калужской губернии на 1873/74 год» (Калуга, 1874, стр. 51), составитель которой делает ссылку (без точного указания источника) на житие Пафнутия, где сказано, что каменная церковь была освящена за 10 лет до кончины преподобного, т. е. в 1467 г. Автор «Памятной книжки» пользовался текстом одной из кратких редакций жития — «Сказанием о преподобном Пафнутии», где действительно фигурирует дата освящения каменной церкви Рождества Богородицы — 1467 г. Приведу выдержку из этого неопубликованного

О сохранности росписи весьма трудно пока сказать что-либо конкретное¹⁷.

Из жития Пафнутия мы узнаем ряд любопытных подробностей о Дионисии — о большой известности его уже в конце 60-х—начале 70-х годов XV в., об уважении Пафнутия к таланту Дионисия (когда художник заболел, Пафнутий сам просил его поскорее начать работу); о том, что у живописцев были «пособники»; наконец о тяжелой болезни ног, которой страдал художник¹⁸.

О следующей работе Дионисия, исполненной около 1481 г., сообщает «Сказание известно о Каменном монастыре», составленное между 1481 и 1501 гг. Паисием Ярославовым¹⁹. По словам «Сказания», угличский

сочинения, возможно, послужившего источником записи 1477 г. в придворном летописном своде (ср. выше, прим. 13): «Блаженные же Пафнотие церков въздвиже преже древяну, по том же каменну оустрои и свящал в лето 6975 месяца октебря 26 на память свягата великомученика Димитрия. И подписа ея чюдно велми, Митрофаном старцем, и Дионисием живописци хитрыми в Роустей земли, и их оученици и пособници, оукраси ея иконами и книгами, яко дивитися и самим тем самодръжцем Рускыя земли. . .» [«Сборник житий русских святых», XVI в. ГБЛ, ф. 304, № 692, л. 119 об.]. Сопоставив эту цитату с указанным текстом великокняжеского свода конца XV в., нетрудно заметить, что придворный летописец умышленно опустил имена художников. В. И. Антонова («У Медвежьей озера и Веси Егонской», стр. 189), ссылаясь на житие Пафнутия, относит роспись собора к 1467 г.; однако ни вассиановское житие, ни «Сказание о преподобном Пафнутии» не содержат на этот счет точных указаний. Следует также помнить, что роспись церквей в Древней Руси из технических соображений обычно производилась не ранее, чем через год-два после окончания строительства. Итак, стенопись собора Пафнутиева монастыря возникла не ранее 1467 г., точнее, если учесть, что стенописные работы не велись в холодное осенне-зимнее время, — не ранее лета 1467 г. Вторая хронологическая граница — кончина Пафнутия (1 мая 1477 г.). Как явствует из жития и приведенных выше летописных свидетельств, роспись собора была закончена при жизни игумена. Самая поздняя дата, которую можно предположить для росписи, — лето 1476 г. Датировка росписи 1480 г., предложенная А. И. Некрасовым («Древнерусское изобразительное искусство». М., 1937, стр. 258), не находит подтверждения в источниках.

¹⁷ Пробные расчистки на стенописи собора выявили сохранность живописи XVII в. При этом грунт XVII в. не удался. Между тем на цоколях старой кладки видны остатки живописи XV в. Это заставляет с вниманием отнестись к словам В. Т. Георгиевского, который утверждал (указ. соч., стр. 42, прим. 1), что фрагменты фресок Дионисия сохранились под побелкой.

¹⁸ Последнее обстоятельство натолкнуло покойного художника-реставратора С. С. Чуракова на предположение о том, что в одной из фресок юго-западного столба церкви Ферапонтова монастыря Дионисий представил самого себя с женой и двумя сыновьями, сидящим с обнаженными ногами у источника (С. С. Чураков. Указ. соч., стр. 107—111). Противоречащая специфике древнерусской живописи гипотеза С. С. Чуракова не получила признания исследователей.

¹⁹ «Сказание» заканчивается известием 1481 г. о постройке вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим каменного собора Спасского монастыря. Биография современника Дионисия Паисия Ярославова изучена плохо. По некоторым сведениям, он — постриженник Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере; около середины XV в. находился в Кириллове монастыре и был учителем прославленного древнерусского философа Нила Сорского (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 190). В 1478 г. по желанию Ивана III назначен игуменом Троице-Сергиева монастыря; в 1482 г. отказался от игуменства из-за самоуправства постригшихся бояр и князей, которые хотели его убить; стал советником великого князя по церковным вопросам. В 1484 г. Иван III хотел сделать Паисия митрополитом всей Руси, но тот отказался (ср. ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 152). В 1489 г., как явствует из послания в Ферапонтов монастырь новгородского архиепископа Геннадия бывшему ростовскому архиепископу Иоасафу (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 320), Паисий находится в одном из заволжских монастырей. В 1490 г. он снова в Москве, вместе с Нилом Сорским, присутствует на соборе против еретиков. Умер Паисий в Москве 23 декабря 1501 г. (А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 28). Факт упоминания имени художника среди сообщений о важнейших событиях жизни крупного монастыря чрезвычайно важен — он свидетельствует о том, что «заволжские старцы» высоко ценили живопись Дионисия и вовсе не были невеждами в искусстве, какими их нередко представляют.

князь Андрей Васильевич пожертвовал в только что построенный (в 1481 г.) каменный собор монастыря «деисус дионисиева письма»²⁰.

Дальнейшие сведения о Дионисии — и первые упоминания его имени в летописи — содержат своды, протограф которых, связанный с митрополитом Геронтием, резко оппозиционен Ивану III. Львовская летопись под 1481 г. сообщает: «Того же лета владыка Ростовский Васьян дал сто рублей мастером иконником Денисью, да попу Тимофею, да Ярцу, да Коне писати деисус в новую церковь свягую Богородицу, иже и написаша чудно вельми, и с Праздники и с Пророкы»²¹. Имя Дионисия поставлено на пер-

²⁰ «Православный собеседник», 1861, февраль, стр. 212. Рассказ о пожертвовании деисуса встречается лишь в поздних (XVII в.) списках «Сказания», и принадлежность его Паисию может оспариваться. Но даже если это поздняя вставка, ее источник — подлинная запись, сделанная если не самим Паисием, то его современником до 1491 г. (в 1491 г. угличский князь Андрей Васильевич Горий был взят под стражу, а угличский удел вошел в состав Московского княжества). Деисус состоял не менее чем из трех изображений: Христос и предстоящие Богоматерь и Предтеча. С XV в. деисусом чаще называют целый ряд икон алтарной преграды, обычно размещавшийся над нижним рядом чтимых «местных» образов. По описи 1670 г. Спасо-каменного монастыря, деисус Преображенского собора состоял из 13 икон (*Н. И. Суворов*. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда, 1893, стр. 46—49). Таким был, вероятно, и ценный дар угличского князя, не сохранившийся до наших дней. Надо полагать, именно эту работу Дионисия имел в виду М. В. Алпатов («Всеобщая история искусств», т. III. М., 1955, стр. 239), когда писал о приглашении Дионисия в Спасо-Прилуцкий монастырь князем Андреем Владимировичем: в источниках нет известий ни о князе Андрее Владимировиче, ни о приглашении Дионисия в Прилуцкий монастырь.

В. Т. Георгиевский видел в сообщении «Сказания о Каменном монастыре» намек на то, что Дионисий писал не иконы, а фрески церкви Спасо-Каменного монастыря (указ. соч., стр. 26). В предисловии к своему труду он прямо утверждает, что Дионисий расписывал храм. Еще увереннее пишет об этом И. Евдокимов, искавший — правда, безуспешно — «под новейшей штукатуркой древние графьи росписи» («Север в истории русского искусства». Вологда, 1921, стр. 69. Ср. *его же*. Вологодский иконник Григорий Агеев. — «Временник», вып. I. Вологда, 1916, стр. 8). Церковь Преображения в конце XV в. действительно нуждалась в росписи, и денежные средства для приглашения художников имелись. О богатстве монастыря в конце XV в. свидетельствуют, например, жалованные грамоты монастырю Василия Темного (ок. 1453 г.), Александра Федоровича Ярославского (ок. 1470 г.), великой княгини Марии Ярославны (ок. 1479 г.), Андрея Васильевича Меньшого (1479 г.), Даниила Александровича (1497 г.). Ср. *Н. И. Суворов*. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря, стр. 56—62. В этом отношении гипотеза В. Т. Георгиевского логична; однако «Сказанием» Паисия она не подтверждается.

²¹ ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910, стр. 347. Известие о деисусе, праздниках и пророках Успенского собора в Московском Кремле дословно повторяет связанная с Львовской летописью как с протографом Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 233). Оно читается также в поздней компиляции — Софийском временнике (ч. II. М., 1821, стр. 224), а также (под 1482 г. без упоминания заказчика — Вассиана) в Русском временнике (ч. II. М., 1820, стр. 168) и в неизданном Бердяевском летописце XVII в. (Центральный Гос. Архив древних актов, Обол., № 46, л. 341). Заказ был оформлен между 1 сентября (начало года) и 23 марта (смерть Вассиана).

В конце XIX в. среди историков бытовало мнение, что ростовскому архиепископу ни к чему было заказывать иконы для Успенского собора Кремля, который составлял «предмет ближайших забот» великого князя и митрополита, а под «новой церковью» Богородицы подразумевается или кафедральный собор в Ростове Великом, возобновленный после пожара в 1411 г., или Благовещенская церковь на ростовском подворье в Дорогомилове, построенная в 1412 г. (см. сообщение А. С. Павлова в «Протоколах заседаний Имп. Московского Археологического общества». — «Древности. Труды Имп. Археологического общества», т. IX, вып. 2—3. М., 1883, стр. 83—85). Сообщение «Русского временника» о том, что художники писали деисус для собора Богородицы в Москве, А. С. Павлов считал вымыслом позднейшего переписчика летописи. Подвергнутое критике в работе В. Н. Лазарева «Дионисий и его школа» («История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 488), мнение А. С. Павлова окончательно опровергается сообщением неопубликованного «летописчика» XVI в. из собрания Румянцева (ГБЛ, ф. 256, № 255; далее: «Румянцевский летописец»). Здесь на л. 461 об. под 1482 г. читается: «Того же лета иконники Денисеи, да поп Тимофеи, да Ярец да Кояя, написали деисус с празники и пророки велми чудне в новую церковь пречистыя Богородицы соборныя на Москве». А. Н. Насонов, изучавший состав этой

вом месте — это говорит о том, что он был старшим среди иконописцев как по возрасту, так и по положению.

Те же источники сообщают о следующей, уже известной нам работе Дионисия, экспонирующейся ныне в Третьяковской галерее. В 1482 г. в московской церкви Вознесения сгорел красочный слой на иконе Богоматери Одигитрии: «... образ той згоре да кузнь (кованый оклад. — Н. Г.), а доска ся отстала; и написа Денисей иконник на той же доске в той же образ»²². Написанная Дионисием вольная копия чудом уцелела во время страшного пожара 1547 г.: «... Вознесенской монастырь... весь выгоре, 10 старец в нем згореша, и церковь Вознесение выгоре, образы и сосуды церковные и животы людцкие многие, токьмо един образ пречистые протопоп вынес...»²³.

В конце 80-х годов XV в. Дионисий работает под Волоколамском, в основанном в 1479 г. монастыре ученика Пафнутия Боровского — Иосифа Санина (Волоцкого), очевидно постройки и росписи храма Пафнутиева монастыря. Летописчик Иосифа Волоцкого сообщает, что каменная монастырская церковь Успения Богоматери была заложена Иосифом 7 июня 1484 г., а освящена 18 декабря 1485 г.²⁴ «И подписал ея хитрыми живописцы в русской земли Дионисием и его детми Владимиром и Феодосием

летописи, отметил, что она близка к Архивскому списку Никоновской летописи, «но местами отстывает от него и содержит дополнительный материал» [А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 260]. А. И. Нефасов (указ. соч., стр. 258), а вслед за ним М. В. Алпатов (указ. соч., стр. 239) говорят еще об одной работе Дионисия, Тимофея, Ярца и Коня — иконах для Успенского собора Ростова Ярославского, исполненных якобы в 1488 г. Это известие не подтверждается источниками.

Большую загадку представляет собой роспись нижней части каменной алтарной преграды Успенского собора Московского Кремля, где сохранились изображения Алексея, человека божия, Парфения, Иоанна Лествичника, Иоанна Кущника, Павла Фивейского, Феодосия Великого, Исаака и Ефрема Сиринов, Евфимия Великого, Антония Великого, Саввы Освященного, Илариона Великого, Симеона столпника, Арсения Великого, Моисея Мурина, Пимена Великого, царевича Иоасафа и Варлаама, Нила Постника и Сисоя Великого, а также Спаса Благое Молчание. Эти фрески, до недавнего времени заставленные иконами местного ряда иконостаса, сейчас открыты и отреставрированы (публикация фресок подготовлена О. В. Зоновой). Живопись, по всей вероятности, была выполнена Дионисием, Тимофеем, Ярцом и Коней в 1481 г. одновременно с иконами деисусного, праздничного и пророческого рядов иконостаса (иконы не сохранились). Такое предположение подтверждается тем, что в исполнении фресок отчетливо читаются четыре различных манеры. В статье о «Послании иконописцу» (стр. 224 и 235) я говорю только об этой росписи, а не о всей стенописи собора, исполненной в 1513—1515 гг. (см. ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, стр. 141—142). В росписях жертвенника, Похвального и Петропавловского приделов, при общей стилистической близости к работам живописцев круга Дионисия, едва ли могут быть выделены фрески, принадлежащие его руке.

²² Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 348), Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 234). То же в Софийском временнике (ч. II, стр. 225).

²³ Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича (ПСРЛ, т. XXI. М., 1965, стр. 52); Александро-Невская летопись (там же, стр. 152); Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, вторая половина. СПб., 1914, стр. 471); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XIII, первая половина. СПб., 1904, стр. 153); «Румянцевский летописец», лл. 649—649 об.; «Царственная книга» (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина. СПб., 1906, стр. 454); «Пискаревский летописец» («Материалы по истории СССР», вып. II. М., 1955, стр. 58).

²⁴ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 15. В послании Б. В. Кутузову Иосиф отмечал, что церковь обошлась ему недешево — «с подписью и с иконами и с книгами и с ризами и сосуды боле тысячи рублей стала» («Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 210). 1000 рублей — сумма очень значительная: в те времена за 20 рублей можно было приобрести деревню с большим участком земли. Вспомним, что за деисус для Успенского собора Дионисий, Тимофей, Ярц и Коня получили 100 рублей; стоимость икон явно подчеркнута летописцем. Во время ссоры с князем Федором Волоцким Иосиф «начат князя мздою оутешати, и посла к нему иконы Рублева писма и Дионисиева» («Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1865, стр. 40). Все эти факты говорят о том, как высоко ценились современниками работы Дионисия.

и Пасеею иноком и два братанича (племянника — *Н. Г.*) Иосифова инок Досифей да инок Васиян»²⁵. По сложившейся традиции, восходящей к монографии В. Т. Георгиевского, погибшая роспись Дионисия датируется искусствоведами 1484 г.²⁶, т. е. временем закладки собора. Но даже при большой спешке стенописные работы не могли производиться одновременно с возведением церкви. Не могли они быть начаты и сразу по окончании строительства, зимой 1485 г. Казалось бы, самая ранняя дата — лето 1485 г. Однако и такая датировка оказывается слишком ранней. В одном из списков «Летописчика Иосифа Волоцкого» (XVI в., ГБЛ, ф. 113, № 515, л. 422) после известия об освящении церкви 18 декабря 1485 г. читается: «. . . *И по прехожении немного лет* подписал ея хытрыми живописцы. . .» (далее — как в опубликованном списке. Курсивом выделен текст, отсутствующий в других списках «Летописчика»). Это означает, что роспись церкви была начата по крайней мере через два года после освящения храма, т. е. не ранее лета 1487 г.

Мы знаем еще об одной несохранившейся росписи, выполненной Дионисием в Спасской церкви Чигасова монастыря за Яузой в Москве²⁷, по-видимому, в конце 80-х или в 90-х годах XV в. и уничтоженной пожаром 1547 г. «Подпись у церкви тоя чюдна была Деонисия иконописца»²⁸, — с грустью отметил составитель летописи.

Имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники позволяют назвать не менее 14 мастеров, чья деятельность в той или иной мере была связана с творчеством Дионисия и его сыновей. Помимо известий летописей и житий мы располагаем ценнейшими данными Описи икон Иосифова Волоколамского монастыря, составленной в 1545 г. старцем Исосимой и книгохранителем Паисием²⁹. Если в дошедших до нас аналогичных

²⁵ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 15—16. Древнейшая редакция «Летописчика» возникла в 30-х годах XVI в. Она сохранилась в сборнике инока Волоколамского Иосифова монастыря Онуфрия Исакова (ГБЛ, ф. 113, № 577). Рассказ о постройке и росписи церкви помещен на лл. 297 об.—298. Здесь содержится отсутствующее в опубликованной А. А. Зиминим краткой редакции «Летописчика» интересное сообщение о том, что в 1479 г., перед постройкой деревянной церкви, Иосиф обращался за помощью к удельному волоцкому князю Борису Васильевичу, «и князь Борис присла к нему би(ти) челом, и прислал мастеров довольно на создание церкви и келей» (л. 297 об.). Ряд сообщений «Летописчика» был использован позднее (около 1546 г.) учеником и постриженником Иосифа, впоследствии (в 1544—1554 гг) епископом крутицким — Саввой — при составлении жития Иосифа.

²⁶ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., стр. 26. Ср. А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 258; М. В. Алпатов. Указ. соч., т. III, стр. 239; В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа, стр. 489. В. И. Антонова (Каталог ГТГ, т. I, стр. 329) датирует роспись 1481—1486 гг.; в первой дате, безусловно, опечатка: дату следует читать как 1484 г.

²⁷ Игумен Чигас начал постройку кирпичной Спасской церкви в 1483 г. Об этом сообщают: Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 349); Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 234); «Румянцевский летописец», л. 462 об.; Русский временник (ч. II, стр. 170); Софийский временник (ч. II, стр. 226).

²⁸ «Летописец начала царства» (ПСРЛ, т. XXIX, стр. 51); Александро-Невская летопись (там же, стр. 151); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 152); «Румянцевский летописец», л. 648; «Царственная книга» (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 453).

²⁹ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., приложение, стр. 1—8. Сохранившиеся иконы Иосифова Волоколамского монастыря в настоящее время вывезены в музей им. Андрея Рублева в Москве. Среди них к эпохе Дионисия относятся лишь четыре произведения. Это иконы из местного ряда иконостаса церкви Успения: «Троица» (по данным Описи 1545 г. — работы старца Паисия; воспроизведена в монографии Георгиевского, стр. 27. рис. 15).

В недавнее время на иконе сделаны пробные расчистки, показавшие хорошую сохранность авторского слоя живописи. Икона написана яркими плотными красками. Фон — светло-охристый; палата в левом верхнем углу — охристая и травянисто-зеленая; с нее свисает киноварно-красный велум. На лице правого ангела санкирь светлый, яблочно-зеленого оттенка, особенно характерного для произведений суздальской живописи XV в. Охрение густое; светá на лице и подрумянка отсутствуют), «Успение Богородицы» (по данным Описи — работы Дионисия; воспроизведена у Георгиевского,

документах других монастырей имена иконописцев почти никогда не упоминаются, то здесь приведены точные указания, кем написана та или иная икона.

Опись называет 9 икон Рублева, около 90 икон Дионисия, работы сыновей художника — Владимира и Феодосия, иконы старца Паисия — участника росписи монастырской церкви (видимо, это был опытный мастер: им выполнялись ответственные работы — иконы местного ряда «Троица» и «Рождество Богородицы»; клейма «Рождества» писал Феодосий). Из Описи мы узнаем, что работу, начатую Дионисием, заканчивали иногда его ученики и помощники: «...Одигитрия с крыльци (со створками. — *Н. Г.*) . . . Дионисиево пи[с]мо. . . а крыльца писмо Феодосиево», «Одигитрия с крыльци, Дионисиева писма, а крыльца иного мастера. . .». Ученики Дионисия тоже делили работу между собой. В Описи упоминается икона Богоматери, «письмо Феодосиево, а крыльца Михайлово писмо Елина. . .». В Богоявленской церкви монастыря, построенной в 1504 г., хранилось 9 икон деисуса, «письмо Володимерова Денисиева сына да ученика их Тучково». Одна икона — «Успение Богоматери» — значится в Описи как труд «Денисиевых детей и учеников его».

В Описи названы также имена Даниила Можайского³⁰ и Михаила Конины³¹.

Икон, созданных участвовавшими в росписи монастырского храма Вассианом и Досифеем Топорковыми, в Описи не указано. Вассиан, будучи уже епископом коломенским (с 1525 по 1542 г.), пожертвовал в Иосифов монастырь три иконы работы своего учителя³², причем компетентные составители Описи сомневались в авторстве Дионисия («. . . а кажут все три Дионисиева писма»). Досифею Топоркову (его не следует смешивать с епископом крутицким Досифеем Забелой), как явствует из его собственноручной приписки на рукописи «Изложения о вере»³³, «иконное рукоделие» служило впоследствии профессиональным заработком³⁴. Икон Дионисия в монастырь он не жертвовал и, можно думать, неважно относился к памяти «началохудожника», так как в надгробном слове Иосифу Волоцкому (1515 г.), помянув «изящных живописец»,

стр. 29, рис. 25. Пробные расчистки невелики и, на мой взгляд, не позволяют с уверенностью датировать это произведение концом XV в.); «Богоматерь Одигитрия» (по данным Описи — работы Дионисия; воспроизведена у Георгиевского, стр. 25, рис. 14. Пробная расчистка показала плохую сохранность лица Богоматери. Фон иконы имеет оттенок слоновой кости); одна икона — из праздничного ряда иконостаса — «Вход в Иерусалим» (пробная расчистка сделана только до слоя живописи XVII в.).

³⁰ В ГТГ есть небольшая икона первой трети XVI в. с изображением Георгия-воина; на ее обороте под верхней шпонкой сохранилась надпись: «Пи(с)ма Данило Можайска» (Каталог ГТГ, т. II, стр. 64—65, № 415, табл. 21).

³¹ По-видимому, сын Кони, который вместе с Дионисием, Тимофеем и Ярцом в 1481 г. писал деисус для Успенского собора в Москве. Сын Ярца, Иван, в 1509 г. по заказу новгородского архиепископа Серапиона исполнял иконы для Софийского собора в Новгороде, о чем сообщает Новгородская IV летопись (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. II, Л., 1925, стр. 469. Ср. там же, стр. 461 и ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. III, Л., 1929, стр. 537). Между 1551 и 1557 гг. старец Кириллова монастыря Васьян Благовещенский пожертвовал в Ферапонтов монастырь 12 икон-таблеток (написанных на полотне, пропитанном рыбьим клеем и загрунтованном) с изображениями «праздников», в кюте, «Иванова писма Дермина». См. *Н. П. Лихачев*. Род иконописцев. СПб., 1908. О роде иконописцев Дерминых см. также: *В. И. Антонова*. Московский иконник Посник Дермин. — «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 144—152.

³³ «Книги дачные старые, подлинные», XVI в., рукопись Иосифова монастыря № 684, л. 86. См. *В. Т. Георгиевский*. Указ. соч., стр. 27—28. Среди бывших владельцев икон Дионисия, помимо Вассиана и самого Иосифа Волоцкого, Опись 1545 г. называет казначая Иосифова монастыря, соборного старца Тихона Возворыкина, архимандрита чудовского Венедикта и Ивана Пишулю.

³⁴ Гос. Исторический музей, Ув., № 356, л. 32 об.

³⁴ *А. Д. Седелников*. Досифей Топорков и Хронограф. — «Известия АН СССР», VII серия. Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 9, стр. 764—765.

украшавших церковь Успения, назвал по имени и на первом месте только Феодосия ³⁵.

О младшем сыне Дионисия — Феодосии — мы знаем, что в 1507 г. он написал изысканные миниатюры с изображениями евангелистов для четвероевангелия, заказанного И. И. Третьяковым ³⁶, а в 1508 г. руководил работами по росписи великокняжеского Благовещенского собора в Московском Кремле ³⁷ (роспись сохранилась). Он упоминается еще в датированных 1510—1511 гг. посланиях И. Волоцкого И. И. Третьякову и Б. В. Кутузову ³⁸ и в одном из житий Иосифа, где выступает как сторонник обличителей еретиков ³⁹. Наконец, известно о значительном вкладе Феодосия в Иосифов монастырь ⁴⁰.

Сведения о судьбе некоторых мастеров, упомянутых в Описи 1545 г. и новгородской летописи, мы находим в так называемой краткой редакции иконописного подлинника, возникшей при Василии III. Уже знакомые нам Иван Дерма (сын Ярца), Петр Тучков, Михаил Елин и Даниил Можайский упомянуты здесь как «писцы великого князя» ⁴¹.

Сопоставив все известное о Дионисии, можно предположить, что художник, создавший направление в русской живописи и воспитавший плеяду придворных мастеров, сам не принадлежал к великокняжеским «писцам» и был значительно меньше, чем они, связан какими-либо требованиями. Никто не мог навязать ему парадного великолепия, роскоши, нарочитой аристократической изысканности, отличающей произведения художников московской школы первой половины XVI в. О новаторстве Дионисия в подборе и трактовке канонических сюжетов говорят росписи Ферапонтова монастыря — многие изображения впервые встречаются в русской живописи именно здесь; многие (вроде композиций на темы акафиста Богоматери) получили оригинальное философское истолкование ⁴². Недаром житие Иосифа Волоцкого и одна из редакций жития Пафнутия Боровского именуют мастера «мудрецом».

Чем же объяснить выступление художника против еретиков? Дионисия невозможно заподозрить в религиозном ханжестве. Против этого говорит, в частности, яркий эпизод из жития Пафнутия, где рассказывается о том, как живописец пренебрег монастырскими правилами, запрещающими «мясоядение», и пронес на территорию монастыря мирскую пищу — баранью ногу, запеченную с яйцами. Материальная сторона вопроса о секуляризации монастырских земель также не могла затронуть интересов мастера: Дионисий не был монахом. Но он прежде всего был художником, иконописцем, а еретики отвергали иконы, глумились над ними, жгли.

³⁵ Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инокa Досифея Топоркова. М., 1865, стр. 18.

³⁶ А. Ф. Бычков. Заставки и миниатюры Четвероевангелия 1507 года. СПб., 1880—1881. О Третьякове см. «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 268.

³⁷ Софийская I летопись, список Царского (ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 53); Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII, стр. 249); Русский временник (ч. II, стр. 268).

³⁸ «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 187, 207, 212.

³⁹ Житие Иосифа, составленное Саввой Черным (ук. в прим. 24), стр. 37—38. Следует отметить, что в так называемом «Волоколамском патерике», составленном несколько позже (после 1547 г.) Досифеем Топорковым, в том же рассказе (Гос. Исторический музей, Син. № 987, л. 8—10) вместо Феодосия фигурирует Иосиф Волоцкий.

⁴⁰ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., стр. 34—35. Монахи продали землю за 40 рублей и купили на эти деньги две деревни. Ср. еще: Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), поступл. 1953 г., № 27, л. 72 об.; А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. 5. М., 1906, приложения, № 38.

⁴¹ П. П. Вяземский. Иконописный подлинник краткой редакции. СПб., 1885, стр. 7; М. Н. Сперанский. Еще один список иконописного подлинника XVI в. — «Чтения ОИДР». М., 1912, кн. I, отд. V, стр. 69—71. Н. П. Лихачев (Иконописцы подлинника краткой редакции. СПб., 1897, стр. 3) датирует эту редакцию началом XVI в.

⁴² Ср. Т. Н. Михельсон. Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 144—164.

Он был тонким знатоком богословия — об этом говорят и состав ферапонтовской росписи, и факт обращения к Дионисию Иосифа Волоцкого с обширным философским трактатом «Послание иконописцу». Принципиальностью, стойкостью в убеждениях можно объяснить смелое выступление художника против еретиков, негласным покровителем которых долгое время был сам великий князь.

Даты рождения и смерти Дионисия пока неизвестны. Но творческий облик мастера становится все более отчетливым благодаря открытиям, совершающимся на наших глазах. Сравнительно недавно было установлено авторство Дионисия по отношению к двум выдающимся произведениям, хранящимся в ГТГ. Это иконы «Спас в силах» и «Распятие», происходящие из Павлова Обнорского монастыря⁴³. На обороте «Спаса» сохранилась резная надпись 30-х годов XVI в., повторяющая почти утраченную запись чернилами начала XVI в.: «В лето 7008 (1500) писан дисоус и празъники и пророци Денисьева письмени». С большой долей вероятности авторство Дионисия предполагается в иконе «Успение» из Успенского собора города Дмитрова, вывезенной в 1958 г. и ныне экспонирующейся в музее им. Андрея Рублева, а также в иконе «Сошествие во ад» из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, в 1963 г. раскрытой реставраторами Русского музея⁴⁴.

Среди произведений, приписываемых Дионисию и его мастерской, особого упоминания заслуживает икона Вологодского музея «Дмитрий Прилуцкий в житии», происходящая из Спасо-Прилуцкого монастыря близ Вологды⁴⁵. Мнение, по которому этот памятник относят к школе Дионисия, основано не только на стилистических сопоставлениях. С иконой Вологодского музея обычно связывают два исторических свидетельства, которые невольно ассоциируются с именем Дионисия. Рассматривая их, следует принять во внимание, что вплоть до открытия ферапонтовских фресок письменные упоминания о работах неизвестного тогда Дионисия историки, как правило, относили к Дионисию Глушицкому (1362—1437).

Согласно первому свидетельству, во второй половине XV в. в Спасо-Прилуцком монастыре имелась икона Дмитрия Прилуцкого. Эта икона была взята Иваном III в поход на Казань и возвращена 3 июня 1503 г.⁴⁶

⁴³ Троицкий собор монастыря был построен и снабжен утварью Василием III в 1506—1516 гг. *См. В. И. Антонова*. Новооткрытые произведения Дионисия в Гос. Третьяковской галерее. М., 1952, стр. 1—16; Каталог ГТГ, т. I, стр. 332—334, № 276 и 277, табл. 215. М. В. Алпатов в «Этюдах по истории русского искусства» (т. I. М., 1967, стр. 172) говорит о «Распятии» Дионисия из Спасо-Каменного монастыря. Это, безусловно, ошибка.

⁴⁴ *В. К. Лаурина*. Вновь раскрытая икона «Сошествие во ад» из Ферапонтова монастыря и московская литература конца XV в. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 165—187.

⁴⁵ *В. А. Богусевич*. Живопись конца XV столетия в привологодском районе. — «Северные памятники древнерусской живописи». Вологда, 1929, стр. 14—19.

⁴⁶ *А. А. Засецкий*. Исторические и топографические известия по древности о России; и частью о городе Вологде, и его уезде и продолжении оного по известие сие. М., 1782, стр. 37—38: [7011 (1503) июня в 3] «Сретение бысть на Вологде образу Преподобнаго Дмитрия Прилуцкаго, которой привезен из Москвы, и значитя по старинным святцам, что оный образ встречен Стефаном Епископом и весь град изыде в сретение, и на том месте церковь поставиша, и уставися ежелетное празднество. По летописцам же значитя того году Епископом Алексей, который якобы и первым был на Вологде, а по Устюжскому летописцу приупоминается первым Иоасаф, которой переведен с Устьями на Вологду, и начиная с первого Стефана, просветившаго Пермью числом 11 и наречен Вологодский и Великопермский. А о преждеупомянутом образе преподобнаго Дмитрия, как слышно, что браи был в поход, и был при взятъе города Казани». Ср. *Н. И. Суворов*. «Вологодский летописец». — «Вологодские епархиальные ведомости», 1873, № 9, стр. 358—359. Это известие почти без изменений пересказывают все вологодские историки XIX—начала XX в. Впрочем, несколько иную редакцию имеет оно в забытом сообщении Зарлянда «Семисотлетие Вологды» («Вологодские губернные ведомости», 1848, № 1, часть неофициальная, стр. 3): «В 1503 году,

По второму известию, в начале XVII в. чтимая надгробная икона Дмитрия Прилуцкого работы Дионисия Глушицкого была перенесена из Прилуцкого монастыря в Вологду, в церковь Всемилоостивого Спаса⁴⁷.

Следуя установившейся традиции⁴⁸, В. А. Богусевич привел оба этих свидетельства. Он не решился прямо связать их с иконой Вологодского музея. Но поход на Казань, в котором побывала какая-то икона Дмитрия Прилуцкого, послужил ему основанием для датировки памятника временем после 1485 г. В. А. Богусевич считал, что в предпоследнем, 15-ом клейме иконы художник изобразил постройку в монастыре третьей соборной церкви — событие, якобы совпавшее с победоносным походом Ивана III⁴⁹.

Запутанные экскурсы В. А. Богусевича ввели в заблуждение позднейших исследователей, склонных связывать известие «Вологодского летописца» об иконе, побывавшей в Казанском походе, с памятником Вологодского музея. Между тем в военный поход едва ли могли специально вытребовать из монастыря только что написанную икону. Для этой цели гораздо более подходила чудотворная, прославленная икона, связанная с именем святого иконописца. Поэтому более правдоподобной представляется первоначальная гипотеза, связывающая оба известия с иконой Дмитрия Прилуцкого работы Дионисия Глушицкого — произведением, по-видимому, ныне утраченным.

Отмеченная же всеми исследователями стилистическая близость памятника Вологодского музея к произведениям Дионисия говорит о влиянии, которым пользовался «началохудожник» Дионисий среди русских живописцев. Против авторства самого Дионисия свидетельствует колорит иконы, не свойственный работам этого мастера.

Некоторые искусствоведы предположительно связывают с именем Дионисия фрески Воскресенского собора в Волоколамске, по всей вероят-

когда русские ходили на Казань, великий князь, по особенному откровению, вытребовал из Вологды образ Дмитрия Прилуцкого, который и сопутствовал ему в продолжение всего похода. В благодарность за победу, дарованную от бога над казанцами, которую великий князь приписывал молитвам и заслугам св. Дмитрия Прилуцкого, Иоанн Васильевич прислал в Вологду новую икону преподобного Дмитрия» (курсив мой. — Н. Г.).

⁴⁷ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Имп. Академии наук», т. II. СПб., 1836, № 99 (1609, янв. 13. Отписка Василия Вербышева к вычегодцам), стр. 196: «... А здеце, на Вологде, преподобный Дмитрий милость свою явил, обещался с нами на врагов государевых стояти: явился духовному старцу у гробницы, велел образ свой от гробницы принести на Вологду, и тот образ архиепископ и воевода и со всем вологодским народом и с иногородными стретив с великою честью, и со слезами, и с молебным пением, поставили на Вологде на площади, и Всемилоостиваго Спаса в церкви, генваря в 4 день, и ныне тот образ стоит на уверение и на поклонение всем православным крестьяном; а писал, сказывают, тот образ преподобнаго Дмитрея преподобный Дионисей Глушицкий...».

⁴⁸ Ср. Н. И. Суворов. Крестный ход, 3-го июня, из Вологды в Спасоприлуцкий монастырь и чудотворный образ препод. Дмитрия Прилуцкого. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1865, № 11, стр. 435; «Путеводитель по Вологде». — «Вологодские епархиальные ведомости», 1874, № 18, прибавл., стр. 297; В. Лебедев. Иконописные труды преп. Дионисия Глушицкого, вологодского чудотворца. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1900, № 6, прибавл., стр. 152; «Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря». Вологда, 1914, стр. 40—42, 46.

⁴⁹ В. А. Богусевич. Указ. соч., стр. 16. И. Е. Данилова (указ. соч., стр. 70) отметила, что указанный храм был построен в 1542 г. Следовательно, изображение в пятнадцатом клейме иконы не может служить основанием для датировки. Путаница существовала и в определении времени этого казанского похода Ивана III. Если В. А. Богусевич относил его к 1485 или 1487 г., то большинство его предшественников склонялось к 1503 г. (И. К. Степановский. Вологодская старина. — «Историко-археологический сборник». Вологда, 1890, стр. 286). Стиль иконы Вологодского музея свидетельствует о творческом восприятии неизвестным мастером принципов зрелого дионисиевского творчества. На мой взгляд, это произведение следует датировать концом XV—началом XVI в.

ности, сохранившиеся под слоем поздней живописи⁵⁰. Собор, построенный в 80—90-х годах XV в., нуждался в росписи именно тогда, когда по соседству с городом, в Иосифовом монастыре, работали выдающиеся живописцы под руководством Дионисия. Волоцкий князь Борис Васильевич, несомненно, знал об этих работах, а быть может, и субсидировал их. Едва ли он упустил бы возможность пригласить Дионисия для украшения своего городского собора. Знал Дионисия и сын Бориса Федор, княживший в Волоколамске с 1494 по 1515 г.⁵¹ Но вероятнее всего, приглашение могло последовать до смерти Бориса Васильевича, во время работы Дионисия в Иосифовом монастыре, т. е. между 1488 и 1494 гг.

Однако такое предположение не нашло пока подтверждений в письменных источниках; окончательный ответ может дать реставрационное раскрытие всех сохранившихся фресок и тщательное их изучение.

⁵⁰ См. В. Максимов. Дионисий в Подмоскowie. — «Советская культура», 21 октября 1967 г., стр. 4.

⁵¹ Ср. сообщение жития новгородского архиепископа Серапиона о том, что Иосиф Волоцкий «монастырь нарочит составив в пределах Волока Ламскаго помоганием, имением, и казною, и брашном, и питием, и сел даянием князя Бориса Волоцкаго, и сынов его, Феодора и Иванна. Много бо простерта рука их ко строению монастыря того бяше» (Г. Н. Моисеева. Житие Новгородского архиепископа Серапиона. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 159).